



Электронная библиотека  
Гражданское общество в России

---

**М. К. Горшков**

Российское общество  
в социологическом измерении

Электронный ресурс

URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/003-021\\_Gorshkov.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/003-021_Gorshkov.pdf)

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ  
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

---

## РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

---

### Российское общество в социологическом измерении

М.К. ГОРШКОВ

*Статья директора Института социологии РАН, члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова посвящена проблеме восстановления научного и гражданского статуса социологической науки в России. Статья подготовлена по материалам выступления автора на пленарной сессии Всероссийского социологического конгресса. Москва, 21 октября 2008 г.*

#### Введение

Обычно, описывая качественные и количественные показатели различных сторон жизнедеятельности общества, социологи оперируют данными исследований и вытекающими из них оценками и выводами. Безусловно, в данной статье все это также найдет место. Однако в каждом случае, перед тем как обратиться к результатам многолетних исследований ИС РАН, я буду использовать метод постулирования и сам термин «постулат».

Как известно, данный термин употребляется и в логике, и в математике, и в философии. Чаще всего он соответствует аристотелевскому пониманию постулата: то есть постулат – это положение, которое, не будучи доказанным, в силу теоретической или практической необходимости принимается за истинное. Многими веками позже к понятию всеобщего постулата обращался и Спенсер, обозначая им всеобщий критерий истины, очевидный сам по себе и дающий основание истинности.

При такой трактовке постулата возникает вопрос: а почему бы и в социологии – при ее огромном массиве данных комплексных и аналитических социологических исследований, осуществленных за годы реформ, к тому же в режиме мониторинга и с использованием репрезентативных общероссийских выборок, при той научной обработке накопленной базы данных – не воспользоваться понятием постулата в качестве исходного положения, исходного допущения, которое характеризуют различные грани состояния социальных отношений в современном российском обществе?

Думается, в социологическом постулировании есть немалый смысл. А потому с учетом темы своего доклада я сформулирую **постулат первый**.

*Преодолев системный кризис 1990-х годов, кризис, опасный своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества, Россия вышла на траекторию последовательного и устойчивого развития, что дает основа-*

*ние утверждать (даже несмотря на проявления мирового финансового кризиса): в целом за 15 лет преобразований, особенно за последние 8 лет, Россия реформирующаяся превратилась в Россию пореформенную, с относительно сложившимися и динамично укрепляющимися государственными, политическими и общественными институтами, которые опираются на поддержку гражданского большинства, на рост позитивных общественных умонастроений.*

Если перейти к социологическому пояснению данного постулата, отмечу: самый яркий пример духовно-нравственного и психологического обновления российского общества дают результаты анализа идентификационных характеристик. Как показали наши последние исследования, роль россиянина, роль гражданина России является в настоящее время наиболее распространенной «Я»-идентификацией (почти 60% поддержки).

И житель определенной местности, и даже представитель конкретной национальности отстают от нее в разы. Добавлю к этому, что и в структуре «Мы»-идентификации чувство общности с россиянами с той или иной частотой испытывают свыше 80% наших сограждан. Все это, безусловно, отрадные факты, поскольку они свидетельствуют о достаточно высокой и нарастающей степени внутренней интегрированности российского общества и даже о возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации.

Еще один, можно сказать, поразительный результат: за время преодоления системного кризиса в обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением в обществе, стала доминировать над долей недовольных в соотношении 4:1. Замечу, что рост удовлетворенности своим социальным статусом – это весьма существенное обстоятельство, поскольку оно являет собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и очень важное для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом.

Сегодня мы можем утверждать: социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран.

Наш анализ показывает: изменения в самоощущениях людьми своего места в общества за последние 7–8 лет поистине колоссальны. И проявляются они прежде всего в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и одновременно в значительном росте числа тех, кто считает себя представителями средних слоев. Все это, безусловно, сказалось на укреплении стабильности российского общества. Причем в последние годы коренной перелом в социальных самоощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах.

Начиная с октября 2000 г. результаты «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения», осуществляемого ИС РАН с 1994 г., демонстрируют постепенное расширение в массовых умонастроениях позитивного спектра, как следствие ослабления ощущений социального дискомфорта и повышения уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества. Это выразилось в ослаблении крайне негативных и тревожных оценок не только общей ситуации в стране, но и собственного бы-

тия, в укреплении уверенности россиян в своем будущем. Рост удовлетворенности жизнью в последние 7–8 лет сопровождался улучшением общего социально-психологического состояния граждан, которое выражалось, с одной стороны, в сокращении количества людей, переживающих такие негативные настроения, как подавленность и озлобленность, страх и отчаяние; а с другой стороны – в росте доли россиян, для которых характерны спокойствие и уравновешенность, бодрость и эмоциональный подъем. Таким образом, несмотря на наличие значительного негатива в жизни людей, на протяжении всех последних лет в российском обществе наблюдалось хотя и не очень быстрое, но последовательное нарастание позитивных умонастроений.

Я не случайно начал описывать сдвиги в несущей конструкции пореформенного российского общества с нематериальных аспектов жизни. Во-первых, с позиции постулируемого допущения они достаточно ярко выражены, представительны и регулярно в последние годы социологически выявляемы. А во-вторых, такова уж особенность российской ментальности, которая проявляется в том, что накопленный позитивный потенциал нематериальных ресурсов способен компенсировать дефицит ресурсов материальных и социальных. Способен, конечно, но далеко не во всем.

Отсюда **постулат второй**. *Все самое качественно новое и самое распространенное по своим количественным показателям, по своим противоречивым и даже отягощенным последствиям произошло за годы российских реформ в трех сферах нашего общества, определяемых термином «социальный». Это социальная стратификация, социальные неравенства, социальная повседневность.*

Качественные характеристики и количественные показатели, которыми описывается глубина изменений в этих сферах, вынуждают сделать принципиальной важности вывод: *за годы реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность.*

Какова же эта реальность в социологическом измерении?

Начну с результатов анализа стратификации, в основе которого лежит специальный индекс уровня жизни, разработанный учеными ИС РАН по данным общероссийских исследований 2003–2007 гг.

Как следует из результатов наших исследований, в обществе сложились минимум 10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны.

В рамках выявленной модели стратификации выделяются две нижние страты, 1-я и 2-я, объединявшие весной 2008 г. 16% россиян. Это именно та доля населения, которая по своему реальному уровню жизни находится за чертой бедности.

Страты 3-я и 4-я снизу представляют малообеспеченных, в составе которых выделяются две подгруппы.

Страта 3-я – это первая подгруппа малообеспеченных, которая носит промежуточный характер и объединяет россиян, балансирующих на грани бедности (16%). Данную группу для краткости называют еще нуждающимися.

Во вторую подгруппу малообеспеченных входят представители 4-й страты снизу. Они охватывают ту часть наших сограждан, которые живут, можно ска-

зять, на классическом для России уровне малообеспеченности, объединяя более четверти населения страны (27%). Именно уровень жизни, характерный для данной страты, является и «срединным» для данного региона проживания, и модальным, т.е. наиболее типичным. А поэтому данную часть населения можно именовать собственно малообеспеченными.

Страты с 5-й по 8-ю снизу, объединяющие не менее трети населения, представляют средние слои: при том, что они заметно различаются между собой, они могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне. К этому следует приплюсовать представителей 9-й и 10-й страт, которые по меркам общественного мнения могут называться богатыми, хотя объективно они принадлежат к верхним слоям среднего класса (6–8%). В совокупности представители страт с 5-й по 10-ю составляют благополучное население страны.

Что же получается в итоге? (См. рис. 1.)



Рис. 1. Численность различных социальных слоев в российском обществе, %

А получается, что в России весной 2008 г. 59% населения характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности», а 41% граждан представляли относительно благополучные слои населения.

Переходя к анализу системообразующих социальных слоев пореформенной России, определяющих состояние социального развития общества, сформулируем **постулат третий**. *Наиболее тревожным фактором в контексте проблем бедности с точки зрения задач государственного управления выступает не столько численность бедных, сколько причины попадания в бедность, свидетельствующие как о неадекватности государственной социальной политики, так и о нездоровой ситуации на рынке труда.*

Каковы же эти причины в аспекте социологической интерпретации?

Во-первых, это специфика поселенческого и возрастного портрета российской бедности (см. рис. 2), где для каждого типа поселений существует своя «группа риска», и по ряду профессиональных групп очень велика вероятность оказаться бедным или малообеспеченным.

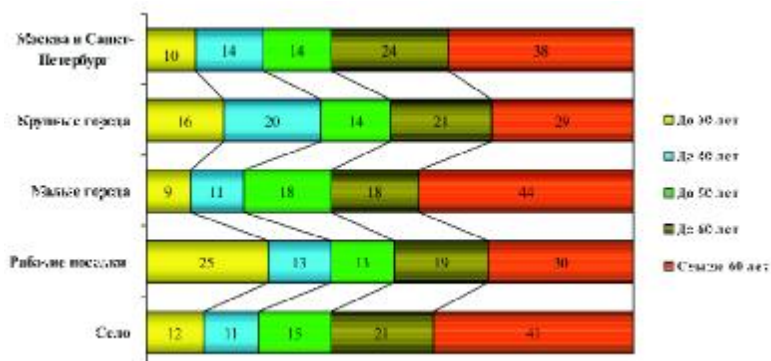


Рис. 2. Распределение бедных по возрастам в разных типах поселений, %

Во-вторых, превращение в последние годы проблемы бедности в проблему возникновения андеркласса с соответствующим смещением акцентов с проблемы нехватки текущих ресурсов на проблемы социальной исключенности и формирования в российском обществе субкультуры бедных, особенно негативной по своим последствиям в молодежной среде. Эта тенденция тем опаснее, что идет консервация бедности, и на будущее сами бедные ожидают сохранения этой тенденции (см. рис. 3).

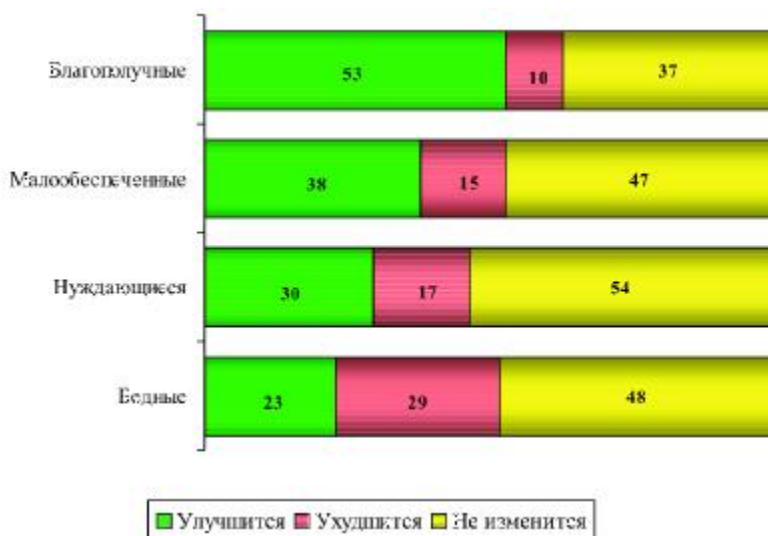


Рис. 3. Оценка представителями различных социальных слоев динамики их жизни на будущее, %

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что в бедности оказываются в основном экономически неактивные члены российского общества, которые не могут обеспечить себе нормальный уровень доходов по причине возраста (пенсионеры) или плохого здоровья (инвалиды), а также жители российского села. Бедность, хотя и в разных масштабах, затронула многих россиян, независимо от возраста и места проживания. При этом каждый четвертый работающий

бедный – это подсобный рабочий, занятый ручным физическим трудом низкой квалификации. Относительно выше риск бедности и у работников сферы услуг и торговли низшего звена.

Что касается тех, кто рискует в скором времени оказаться в бедности, то в данном случае возрастная и поселенческая ситуация имеет обратный знак. Представители молодого и среднего поколений (до 40 лет) составляют более трети группы риска, причем чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше (например, в мегаполисах доля лиц до 40 лет, пребывающих в «зоне риска» бедности, составляет 54% респондентов).

В отличие от ситуации в Западной Европе и США, российские бедные пока не являются замкнутой «в себе» группой, поддерживая активные, хотя и суживающиеся год от года контакты с остальным населением. В итоге 43% россиян считают, что в их окружении нет бедных семей, а четверть населения имеет три и более таких семей в ближайшем окружении. Это не может не сказываться и на ощущении несправедливости сложившейся системы общественных отношений, и на состоянии социальной напряженности.

В данных условиях необходима активизация государственной социальной политики, но отнюдь не по принципу адресной помощи наиболее нуждающимся. С учетом неоднозначности причин и образа жизни бедных идея поддержки всех малоимущих, независимо от причин их тяжелого положения, не является в массовом сознании россиян легитимной. Речь скорее должна идти о четко выраженной модели хотя и адресной, но категориальной помощи в соответствии с представлениями населения страны о составе групп, имеющих право на такую помощь. Причем нужна помощь, предполагающая для трудоспособного населения не столько «раздачу» денег, сколько создание возможностей самостоятельно решать свои проблемы в силу изменения ситуации на рынке труда. За обеспечение таких возможностей, по мнению россиян, в первую очередь несет ответственность государство. Прямая денежная помощь с точки зрения большинства населения должна оказываться лишь тем, кто в силу объективных причин неспособен сам улучшить ситуацию.

**Постулат четвертый.** *Серьезным вызовом государственной социально-экономической политике является наличие в стране высокой доли малообеспеченных, значительная часть которых балансирует на грани бедности (нуждающиеся). При первых же признаках замедления экономического роста эта группа может «сползти» в бедность, поскольку не имеет никакого «запаса прочности» (как в виде имущества, так и сбережений).*

Что это означает? А то, что, несмотря на рост текущих доходов, положение малообеспеченных по реально значимым параметрам для поддержания уровня жизни (наличие недвижимости, социальных сетей и т. п.) в последние годы ухудшилось, а использование необходимых для человеческого капитала социальных услуг сократилось (см. рис. 4). Малообеспеченные россияне достаточно редко пользуются платными социальными услугами, то есть они не осуществляют инвестиции в себя и своих детей; и за последние годы использование подобных услуг ими еще снизилось.

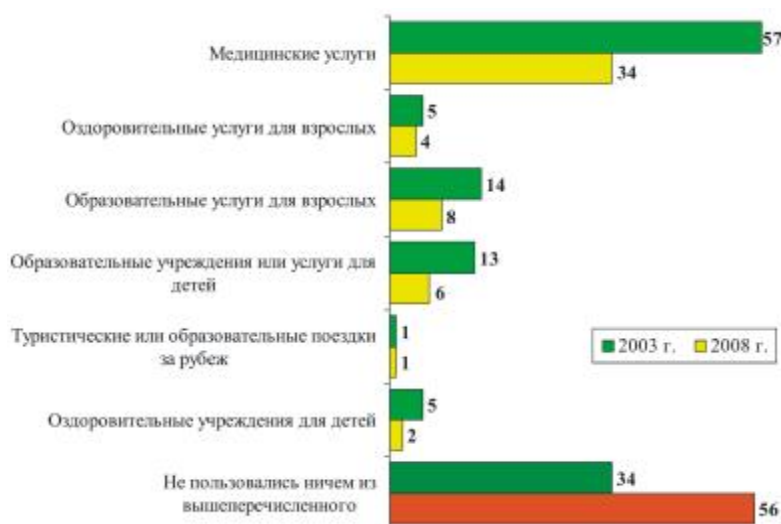


Рис. 4. Динамика использования платных социальных услуг малообеспеченными россиянами, %

Имущественная обеспеченность представителей малообеспеченных слоев населения более чем скромная. Это свидетельствует не только о достаточно низком уровне их жизни, но и об отсутствии у них достаточных ресурсов, которые могли бы компенсировать неожиданное ухудшение их положения, т. е. об отсутствии «запаса прочности». Данная ситуация усугубляется еще и тем фактом, что в последние годы малообеспеченным россиянам пришлось постепенно распродавать имевшееся у них ранее недвижимое имущество – дачи, участки, гаражи, места на коллективных стоянках, т. е. поддерживать свой текущий уровень жизни за счет имевшейся ранее собственности.

В то же время за последние пять лет доходы малообеспеченных (как, впрочем, и других групп населения) заметно выросли. Возросла и оценка ими своего материального положения, возможностей нормально питаться и одеваться, а также увеличилось общее количество товаров длительного пользования в их домохозяйствах. Тем самым значительная часть роста доходов малообеспеченных россиян была направлена ими именно на покупку и обновление подобных предметов (учитывая невозможность их обновления в 1990-х годах, это вполне естественно), а оставшаяся часть доходов – на улучшение качества питания и одежду.

Экономическое поведение малообеспеченных россиян в целом можно охарактеризовать как пассивное. В первую очередь это связано с тем, что вопрос о свободных деньгах вообще не стоит как для большинства нуждающихся, так и для собственно малообеспеченных россиян, и экономически рациональные стратегии распоряжения своими деньгами остаются для них недоступными. Наиболее распространенными способами распоряжения свободными средствами малообеспеченных являются откладывание денег на «черный день», в том числе на сберкнижку, и покупка дорогостоящих предметов длительного пользования. Такие виды кредитования, как ипотека, покупка автомобиля, медицинские услуги, получение образования, пока мало распространены среди малообеспеченных слоев населения. Зато они



активно используют потребительские кредиты на покупку бытовой техники, мобильных телефонов, компьютеров.

Средние ежемесячные доходы малообеспеченных россиян за период с 2003 по 2008 г. выросли более чем в два раза. Однако абсолютные показатели сами по себе не так информативны, поскольку за это время значительно выросли и цены. Вот почему более интересен вопрос не о номинальных, а о реальных изменениях, произошедших в жизни малообеспеченных россиян за данный период.

Чем можно объяснить подобное состояние малообеспеченных? Прежде всего тем, что представители нынешних малообеспеченных слоев российского общества изначально находятся в худших стартовых условиях. Они вырастают в менее образованных семьях, в их составе выше доля прошедших первичную социализацию в малых городах и селах. В результате уровень их образования оказывается ниже, чем у представителей благополучных слоев населения. И даже при формально одинаковом уровне образования они имеют разный объем человеческого капитала.

При этом 67% собственно малообеспеченных и 75% нуждающихся из числа работающего населения страны сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения этих городов в общем составе работающего населения составляет около 60%.

Таким образом, малообеспеченность в России концентрируется сегодня не столько в слоях, различающихся уровнем квалификации, сколько в так называемой «малой России» с ее узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и на ту зарплату, которую предлагают, и где развитый человеческий капитал в массовом масштабе пока не востребован.

Альтернатив у этих типов поселений в нынешней социальной реальности нет. Гораздо меньше у малообеспеченных и возможностей дополнительной занятости, которая могла бы помочь им как-то улучшить ситуацию за счет собственных усилий, что способствует развитию у данной группы населения пессимистических умонастроений и не стимулирует их к каким-то активным действиям.

Что же касается значительной части собственно малообеспеченных в крупных городах, то она держится пока «на плаву» и не сползает в бедность только благодаря вторичной занятости, но при любых экономических кризисах сможет пополнить ряды нуждающихся и бедных. Это говорит о крайней нестабильности существования населения даже в крупных и средних городах. Кроме того, это означает, что основная занятость большинства малообеспеченных не гарантирует им такого уровня жизни, при котором они могут рассчитывать хотя бы на длительное и устойчивое «относительно стабильное выживание», не говоря уж о благополучии.

Далее **постулат пятый**. *За годы реформ в России, особенно в последние 7–8 лет, сложился массовый средний класс, близкий по своим сущностным чертам к населению в целом, но представляющий ту его часть, в которой сильные достижительные установки способствуют мобилизации всех ресурсов для постоянного профессионального саморазвития, ведущего в итоге к жизненному успеху.*

В социологической интерпретации современный российский средний класс – это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоев ниже среднего, чувствуют себя хозяевами собственной судьбы.

Среди российских экспертов много споров о критериях выделения среднего класса. Каковы же они с учетом международных показателей? Среди них:

характеристики социально-профессионального статуса (критерий нефизического характера труда);

образование (наличие как минимум среднего специального образования);

уровень благосостояния (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом);

показатель самоидентификации (интегральная самооценка своего положения в обществе по 10-балльной шкале от 5 баллов и выше).

Численность среднего класса в 2008 г. для населения страны в целом составляла 33%. За последние годы средний класс резко вырос за счет периферии. Однако, несмотря на многочисленность периферии среднего класса, ресурс его дальнейшего расширения практически ограничен и его численность может быть доведена без структурной перестройки экономики максимум до численности половины экономически активного населения страны (см. рис. 5).

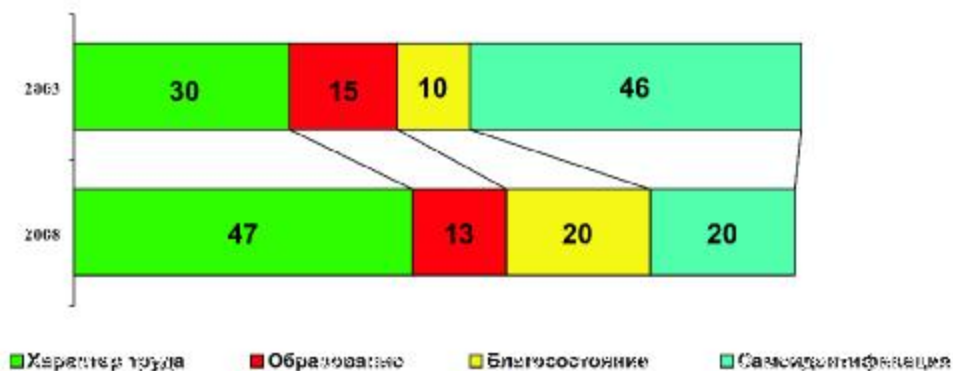


Рис. 5. Признаки, которых представители периферии «недобирали» в 2003 и 2008 гг.

При этом стандарты жизни российского среднего класса достаточно скромны, что заставляет сомневаться в способности самостоятельно решить сразу все социальные проблемы теми его представителями, для кого они одновременно актуальны (приобретение жилья, обеспечение возросших расходов на ЖКХ, обеспечение платных медицинских и образовательных услуг и т. д.).

Как показали многоразовые социологические замеры ИС РАН, российский средний класс не монолитен. На существующую в нем дифференциацию накладываются значительные различия между мегаполисами и провинциями страны, в условиях которых, например, та же Москва и по уровню жизни, и по структуре занятости, и по ментальности ближе к западным столицам. Отчетливо выражены поколенческие различия, вызванные тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 1990-е годы, провело рубеж между старшими поколениями («старыми русскими») и молодежью, которая в целом достаточно успешно освоила «новые правила игры». Во всяком случае, в группах среднего класса, пред-

ставители которых находятся в возрасте до 30 лет, работают в частном секторе и живут в мегаполисах, число адаптированных и, соответственно, не проигравших от реформ значительно больше, чем в остальных средних слоях населения.

Результаты исследований ИС РАН позволяют констатировать, что средний класс все больше втягивает в свой круг людей из различных слоев и разных профессиональных статусов, сближая на практике новый средний класс, формирующийся на базе частного сектора, представителей бюджетной сферы и средних слоев, которые сложились в советский период. При этом по своим основным образовательным и профессиональным характеристикам средний класс становится группой, все более сходной с населением в целом. Значимыми остаются, пожалуй, только возрастные «фильтры» попадания в средний класс, способствующие уменьшению в нем численности представителей старшего возраста. Ослабевают региональные и становятся весьма условными образовательные «фильтры».

Таким образом, в социально-профессиональном составе среднего класса за последние годы произошли важные изменения. Одни из них связаны с общим ростом российской экономики и соответствующим расширением границ среднего класса; другие – с изменением ситуации на рынке труда, позволяющей работникам госсектора относительно быстрее улучшать свое положение; третьи – с ростом значимости профессиональных навыков и умений, независимо от занимаемой должности. В целом вектор этих изменений имеет положительную направленность.

Что касается богатых, то, как свидетельствуют результаты исследований ИС РАН, большинство россиян проявляет к ним толерантное отношение. Во многом это объясняется массовыми представлениями о причинах их материального благополучия. Деловая хватка, наличие связей, умение использовать все шансы, немного везения и готовность работать без оглядки на время и здоровье – вот пять основных слагаемых успеха нынешних богатых россиян с точки зрения основной массы населения.

Вместе с тем, выделяя богатых сограждан, россияне имеют в виду не столько элитный круг общества, от которого они очень далеки и который ассоциируется скорее с понятиями «власть» и «богатство», сколько верхний слой среднего класса, который ассоциируется с представлениями о надежной материальной обеспеченности. По социологическим замерам, разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями населения – 30-кратный, хотя многие факты из практики позволяют сделать вывод, что разрыв еще больше.

Главное социально-демографическое отличие богатых семей от бедных – гораздо меньшая доля лиц пенсионного возраста в составе первых. Основной причиной низкого удельного веса семей с пенсионерами в группе богатых является то, что класс богатых людей в современной России формируется в первую очередь из относительно молодых предприимчивых людей.

Как полагают сами богатые, главные отличия их жизни от жизни всех других слоев общества – значительно более высокое качество жилищных условий, возможность получения хорошего образования, проведения отпуска за границей и обеспечения качественного медицинского обслуживания; намного выше вероятность того, что дети добьются в жизни большего, чем их сверстники. Примеча-

тельно, что с такими оценками согласно и российское население в целом, и его обездоленные слои.

При оценке представителями всех слоев населения своего места на «социальной лестнице» решающую роль играет уровень их благосостояния и образ жизни. При этом по мере движения от бедных к более благополучным слоям нарастает значимость факторов образования и квалификации, с одной стороны, и престижности и «интересности» их работы – с другой. С этим связано и то парадоксальное на первый взгляд обстоятельство, что во всех слоях населения, даже у бедных, есть заметное число тех, кто относит себя к средним слоям общества; и в обеих подгруппах малообеспеченных, не говоря уже о благополучных, именно они составляют большинство. За этим стоит неготовность подавляющего большинства россиян, особенно работающих и имеющих достаточно высокий уровень образования, согласиться на статус социальных аутсайдеров. Что это означает? А это значит, что быть не только бедным, но и малообеспеченным сегодня в России становится стыдно. Тем самым выдвинутый руководством страны лозунг роста численности среднего класса, как благополучной по уровню жизни части россиян, оказался не просто своевременным – он отразил интересы подавляющего большинства малообеспеченного населения России, которое именно таким и хотело бы видеть свое будущее.

А теперь **постулат шестой**. *Наиболее резкое массовое недовольство россиян связано с чрезмерной глубиной неравенств в распределении собственности и доходов. При этом решающую роль в определении позиции наших сограждан в вопросе о справедливости тех или иных неравенств играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, которые являются социокультурной нормой, характерной для российского общества на нынешнем этапе его развития.*

Это говорит о том, что в сегодняшней России массовые реакции на социальные неравенства исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, и в результате приобретают характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая и распределение собственности, и распределение доходов. При этом протест с индивидуального уровня переходит на макроуровень, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом.

Таким образом, проблема легитимизации социального неравенства в современной России и преодоления недовольства россиян сложившейся сегодня в стране ситуацией заключается не столько в повышении зарплат бюджетникам или пенсий пенсионерам, а в общем изменении «правил игры», сближении этих правил с теми представлениями о справедливости, которые являются краеугольными для российского национального самосознания. При этом основанием для легитимности различий в получаемых благах является в представлениях россиян именно труд, справедливое распределение по труду, а не близость к власти или умение урвать в ходе приватизации жирный кусок.

Означает ли это, что российские граждане являются упорными противниками частной собственности? Нет, не означает. Достаточно отметить, что 87% россиян соглашались с тем, что право иметь частную собственность должно быть неотъемлемым правом любого человека.

Таким образом, дело здесь не в негативном отношении россиян к частной собственности вообще, а именно в нелегитимности ее распределения в обществе, когда все создававшиеся трудом многих поколений национальные богатства и «от бога» данные природные ресурсы буквально в одночасье оказались сосредоточены в руках немногочисленной группы крупных собственников.

Как установили наши исследования, недвижимость – одно из важнейших проявлений социального неравенства в повседневной жизни россиян.

По данным исследований, около 60% населения одновременно не имеют ни недвижимости, помимо жилья (к тому же в большинстве случаев оно очень низкого качества), ни сбережений (причем каждый второй имеет долги различного рода). Отсюда понятно, что у большинства населения России сейчас практически нет никаких экономических ресурсов, и неравенство их уровня жизни определяется в основном особенностями их текущих доходов и расходов.

Вместе с тем социальное неравенство, существующее в пореформенном российском обществе, не сводится только к неравенству доходов, а проявляется и в разном качестве отдельных аспектов жизни, которые выражаются в различных социально-психологическом состоянии здоровья, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии жизни в целом.

Важнейшими факторами неравенства выступают проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация, различия в уровне образования. В целом недовольство качеством своей жизни и имеющимися возможностями в российском обществе постепенно сокращается, хотя доля негативных оценок остается слишком высокой и часто доминирует над долей позитивных оценок.

Несмотря на некоторую позитивную динамику в субъективных оценках россиянами своей жизни, говорить о значительных изменениях в ней еще рано. У большинства наших сограждан за последние два года качество жизни не изменилось, они не смогли добиться чего-либо значимого. Те, кому удалось достичь положительных изменений, отличались изначально более высоким материальным положением, меньшим возрастом и более высоким уровнем образования, т. е. имели заведомо лучшие жизненные шансы. Аналогично складывалась ситуация и с пользованием платными социальными услугами. Таким образом, можно говорить о существовании тенденции к дальнейшему увеличению неравенства, так как качество жизни улучшают в основном те, кто уже и так находится в более благополучном положении. Это означает, что происходит углубление – или по меньшей мере консервация – существующего неравенства.

Данные исследования ИС РАН позволяют сделать вывод и о том, что социальное неравенство накладывает свой отпечаток на традиционные практики взаимной поддержки и качество существующих социальных связей, которые были и остаются важным дополнительным ресурсом выживания. С одной стороны, стабильное материальное положение способствует сохранению и преумножению социальных сетей (а сети, в свою очередь, помогают поддерживать благосостояние на определенном уровне). С другой стороны, применительно к двум низшим стратам можно говорить уже не только о бедности, но и о социальной эксклюзии – они выпадают из мейнстрима и не в состоянии поддержи-

вать традиционный для российского сообщества образ жизни, то есть выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционного обмена. У них либо вообще отсутствует социальный капитал, либо он явно недостаточен.

Осмыслив полученные данные, можно сделать вывод, что трудности и неудачи повседневной жизни могут стать причиной обособленности, изолированности от других людей, а это очень тревожная тенденция, идущая вразрез с представлениями о том, что россияне непременно справятся с любой ситуацией за счет исторически сложившейся традиции взаимопомощи, особенно выраженной в провинции.

Кроме того, в более благополучных регионах России функционирование социальных сетей явно смещается в сторону предоставления более сложных и экономически значимых видов помощи, а именно связей и протекции. Например, в Москве и Санкт-Петербурге этим типом поддержки пользуются 36% населения, что является одним из самых высоких показателей (в среднем по России этот тип помощи получали 27%). При этом в остальных регионах преобладают более простые виды обменов, включая обмен услугами. Причем чем меньше населенный пункт, тем меньше у его жителей шансов улучшить свое положение за счет социального капитала не только по причине его нехватки или отсутствия, но и из-за ограниченных возможностей конвертации имеющихся социальных связей в значимые экономические дивиденды, из-за особенностей социально-экономической ситуации в разных типах населенных пунктов.

Установлен социологический факт: ресурс социальных сетей играет огромную роль в формировании и воспроизводстве социального неравенства. Однако большинство сложившихся социальных сетей носит неформальный характер, в чем проявляется явное недоверие значительной доли российских граждан к формальным институтам.

Несмотря на огромную значимость капитала неформальных социальных сетей в практическом выживании россиян, около 20% населения в среднем по России полностью лишены всякого социального капитала. Если задуматься, то это огромная цифра, поскольку за ней стоит одиночество и изолированность почти двадцати миллионов россиян, не получающих даже простой психологической поддержки со стороны ближайшего окружения.

Чрезвычайно опасной выступает и тенденция постепенного исключения малообеспеченных, и особенно бедных, из наиболее значимых видов многофункциональных обменов социальным капиталом и смещение характера функционирования сетей поддержки самых нуждающихся в сторону получения более простых типов помощи. Поэтому правы те ученые, политики, эксперты, которые призывают сделать основной задачей социальной политики не просто материальную помощь беднейшим, а выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения, в том числе и в межрегиональном пространстве современной России.

**Постулат седьмой.** *Несмотря на радикальный характер происходивших в стране социально-экономических перемен, социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания российских граждан, изменяются доста-*

*точно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности.*

Как показывают исследования РАН, смысложизненные установки, которые выделяются среди доминант массового сознания, характеризуют типичного россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями, склонного к автономности, усматривающего свое призвание не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить, как хочется, получая от этого моральное удовлетворение.

Малообеспеченные слои характеризуются четкой выраженностью достигнутых установок, но только в той их части, которая обеспечивает наиболее типичную для россиян в целом идеальную модель жизни. Подобная модель может быть описана формулой «любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других». Эта же модель предполагает хорошее образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами и т. д. В то же время для малообеспеченных нехарактерны относительно распространенные в благополучных слоях россиян жизненные устремления, направленные на смену классовой принадлежности.

Не только для малообеспеченных, но и для большинства россиян в целом нехарактерны такие ценности, как власть, известность, желание попасть в статусный круг или иметь собственный бизнес. Однако динамика ценностей россиян за последние 15 лет говорит о том, что у перечисленных ценностей постепенно становится все больше сторонников; а такая базовая для подавляющего большинства россиян сфера их жизни, как работа, постепенно теряет свое значение важной формы самореализации и способа общения, приобретая все более инструментальный характер (способ заработка).

Еще один очень важный социологический факт, имеющий отношение к седьмому постулату. Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания, не столь велики, как об этом принято говорить и писать: слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость. Как следствие, несмотря на существование вполне естественной поколенческой и региональной специфики в отношении к различным этапам и явлениям российской истории, подавляющее большинство россиян продолжают относить к основным предметам общенациональной гордости события и достижения советской эпохи, не оставляя возможностей для ценностного раскола российского общества.

Наши исследования последнего десятилетия демонстрируют, с одной стороны, явное стремление молодежи и представителей средних (наиболее активных в экономическом смысле) возрастных групп жить в нынешней России со всеми присущими ей проблемами и противоречиями; а с другой – очевидную ностальгию старших возрастных групп россиян по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе «брежневского» образца. Причем еще в 1998 г. сторонники жизни в «брежневском» обществе доминировали над современниками (46 к 25%). Однако на исходе становления пореформенной России (а именно в 2007 г.) в общенациональном сознании россиян произошел примечательный

перелом: около 60% сделало выбор в пользу современного российского общества, а 20% – в пользу общества «брежневского» типа.

**Постулат восьмой.** *В пореформенной России сосуществуют традиционалистски и патерналистски настроенные части общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, – иначе говоря, носители модернистского сознания. Понятно, что речь идет о двух полярных типах мировоззрения, или, можно сказать, о двух моделях альтернативного видения мира. Выделяется и та часть населения, которую следует охарактеризовать как носителей промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма.*

За последние три года доля модернистов несколько сократилась (с 26 до 20%), а доля традиционалистов возросла (с 41 до 47%); распространенность промежуточного сознания осталась практически в прежних границах (33%). Причем эта тенденция затронула все возрастные группы и даже возрастную когорту до 25 лет (где доля «модернистов» снизилась с 2004 г. с 37 до 27%, а доля традиционалистов возросла с 29 до 39%).

О чем говорят полученные данные? Думается, о том, что традиционные ценности, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постепенно восстанавливают свое влияние на общество, переходящее от романтических увлечений к реальной жизни в условиях современного демократического устройства и рыночной экономики. Тем самым ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфическое звучание и окраску. А это говорит о том, что и под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то во всяком случае величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу, но можно и нужно использовать через государственный политический курс и политическую волю, что весьма убедительно смог сделать за короткий исторический срок В. Путин.

В то же время каждая из выделенных мировоззренческих групп действительно является сторонником отличных от других идеальных моделей общества. Особенно интересны в этом отношении во многом полярные позиции «модернистов» и «традиционалистов», различия между которыми проявляются и в оценке исторического прошлого страны; и в представлениях об эпохе, в которой они хотели бы жить; и в отношении к реформам; и в представлениях о том, какие социальные силы способствуют развитию страны, а какие препятствуют этому; и во многих других вопросах. Но самое главное отличие связано с принципиально различным отношением «традиционалистов» и «модернистов» к всевластию государства и свободе личности. Причем именно в этом различии проявляется специфика социокультурной модернизации, которую переживает ныне российское общество. Если для «модернистов» важны индивидуальная свобода, а западная модель развития с характерными для нее ценностями пред-



ставляется им в целом вполне подходящей для России, то для «традиционалистов» (и «промежуточные» в этом вопросе к ним примыкают) это совершенно неприемлемо. Для них оптимальна традиционная для России этакратическая модель развития, основанная на всевластии государства, служащего в идеале в этой модели выразителем интересов общности в целом и обеспечивающего безопасность как каждого отдельного гражданина, так и общности. Причем подобная модель воспринимается скорее как хаотическое сообщество, где каждый выполняет свою функцию, а не как сообщество свободных индивидов, осознанно выстраивающих разнообразные жизненные стратегии, руководствуясь правами человека, признаваемыми как базовые и государством, и обществом.

**Постулат девятый.** *Для россиян одними из важнейших объектов общественного внимания, своего рода несущей конструкцией мировосприятия, являются место и роль государства в экономической и социальной жизни. Результаты нынешнего исследования не только подтверждают, но и показывают обостренное восприятие нашими согражданами всего того, что связано с деятельностью государства в экономической и социальной сферах. При этом главная установка россиян направлена на доминирование государства в экономике, в управлении собственностью.*

Означает ли это, что большинство населения выступает за возврат к огосударствлению всего и вся, а тем более за переход к плановой экономике? Нет, не означает.

Во-первых, потому, что, как показывают все три наших исследования, у россиян нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отторгается. Причем не только потому, что они сами проиграли в процессе ее утверждения, но и потому, что она, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. А во-вторых, как это показали наши исследования, при том что все отрасли стратегического характера (электроэнергетика, добывающие отрасли, транспорт и др.), по мнению россиян, должны быть «в руках» государства, в ряде отраслей нестратегического характера, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство населения допускает доминирование смешанной экономики. Это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой информации, дорожному строительству, финансовой сфере, телефонной связи, пищевой промышленности. Причем, как и десять лет назад, безусловный приоритет здесь россияне отдают пищевой промышленности и печатным СМИ.

Таким образом, хотя россияне не допускают доминирования частного сектора ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство предпочитают наличие в России смешанной экономики, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. Это означает, что большинство россиян ждут от государства реализации модели государственного капитализма в экономическом развитии страны. Фактически речь идет о возрождении модели нэпа 1920-х годов, которая, видимо, потому и дала в свое время такой колоссальный экономический эффект, что в наибольшей степени соответствовала социальным и психологическим особенностям россиян.

Причем, как показали исследования ИС РАН, представления о желаемом типе социально-экономического устройства страны, о роли государства в экономике в целом и в конкретных отраслях, а также о приоритетах государственной экономической политики разделяются большинством россиян в любой демографической и социально-профессиональной группе. Более того, эти представления остаются очень устойчивыми, хотя по отдельным вопросам и могут слегка видоизменяться под влиянием нового опыта. А это значит, что в ближайшие годы не следует ждать существенного изменения позиций россиян в этом вопросе. Более того, в российском обществе нет сколько-нибудь массовых групп, которые способны были бы качественно изменить представления наших сограждан об оптимальной модели социально-экономического устройства страны и в среднесрочной перспективе.

Если в вопросе о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека в российском обществе сосуществуют группы с противоположными типами мировоззрения и процесс социокультурной модернизации, хотя медленно, но все же идет, то с экономическими воззрениями россиян картина принципиально иная. И даже те россияне, которые выступают сторонниками индивидуальной свободы, личной ответственности, защиты прав человека, являясь носителями модернистского, инновационного типа мышления, в вопросах об оптимальной для России модели социально-экономического устройства, о роли государства в регулировании экономической и социальной сферы практически едины со всем остальным населением.

Однако, и это надо подчеркнуть особо, россияне не фетишизируют нынешнее российское государство, а напротив, относятся к нему весьма критически – ведь легитимно и одобряемо для них только такое государство, которое на первое место ставит не интересы государственного аппарата, бюрократии, а интересы той самой главной общности, которая определяется понятием «народ». И только законы такого государства россияне будут признавать справедливыми и готовы будут их соблюдать.

**Постулат десятый.** *Общационациональное сознание в пореформенной России характеризуется резким повышением удельного веса в нем массовых суждений и оценок внешнеполитической направленности. Концентрация общественного внимания и публичной реакции россиян на международные события и процессы, затрагивающие интересы нашей страны, стала подниматься до уровня общественного внимания, которое проявляется обычно к событиям и процессам внутренней жизни.*

В плане социологической интерпретации замечу: мы имеем дело с редким явлением в условиях конкретного исторического периода, когда внутренние и внешние аспекты деятельности государства практически в равной степени интересуют большинство наших сограждан.

Подобное явление имеет свое основание. К середине 1990-х годов в массовом сознании российских граждан постепенно утвердилось мнение, согласно которому при всей своей привлекательности западный путь развития, опыт которого переносился когда-то на отечественную почву, для России неприемлем. Как следствие, культурно-историческая самобытность российского общества стала интерпретироваться в качестве непреходящей базовой ценности. В соответствии

с новой парадигмой стало переосмысливаться и отношение между «Мы» и «Они», в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Наш недавний общенациональный опрос, проведенный в сентябре текущего года по теме «Фобии и угрозы в массовом сознании россиян», показал: реакция западных стран на роль России в ответ на агрессию Грузии в Южной Осетии только укрепила сложившуюся антизападную установку наших сограждан.

Первоначально сдвиги в общественном мнении имели характер внутреннего самоутверждения, не отличаясь собственно антизападной направленностью. Однако неуклонно осуществляемые вопреки протестам российского руководства действия западных стран, связанные, в том числе, с расширением НАТО на Восток, бомбардировкой Сербии, появлением американских военных баз в государствах Центральной Азии, настойчивыми попытками выстроить системы глобальных коммуникаций в обход России, убеждали россиян в том, что в общем и целом Запад, образ которого начал прочно связываться в сознании большинства российских граждан с фактором угрозы, занимает по отношению к России далеко не дружественную позицию.

Отметим, что Запад выступает в российском самосознании в различных образах и ипостасях, сменяющих друг друга в зависимости от конкретных условий. В качестве доминирующего субъекта международных отношений он представлен разного рода политическими, военно-политическими и экономическими структурами, наиболее проблемной из которых в глазах россиян является НАТО, отношение к которой в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным в течение ряда лет. Так, сегодня, согласно данным опроса, само слово «НАТО» вызывает отрицательные эмоции почти у 80% опрошенных.

Шлейфом негативных ассоциаций сопровождаются в массовом сознании также образы США и американской политики. Если в 1995 г. более 77% респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно, то в начале XXI в. доля таковых сократилась до 37%, а после войны на Кавказе рейтинг симпатий россиян при упоминании США и вовсе упал до 14%.

Некоторое время назад мы сделали вывод, согласно которому Европа предстает в политическом мышлении наших сограждан в двух ипостасях – «западной» и «собственно европейской», из чего следует, что недоверие к ней, как к Западу, может уравновешиваться тяготением к ней, как к Европе. Отмеченная выше тенденция к сокращению дистанции, отделяющей, с точки зрения наших сограждан, Россию от Запада, должна была бы способствовать снятию негативной окраски с «западной» составляющей образа Европы и еще большему распространению благоприятных оценок ее в российском обществе. Однако на деле этого не происходит. Сопоставляя результаты наших исследований за последние годы, мы выяснили, что доля респондентов, воспринимающих слово «Европа» положительно, постоянно уменьшается. Происходит этот процесс не очень быстро, но неуклонно, и за какие-нибудь 6–7 лет он стал весьма ощутимым (2000 г. – 83%, 2004 г. – 79%, 2007 г. – 72%).

Выясняя мнения наших сограждан по поводу международного положения России и ее места в мире, нельзя обойти вниманием вопрос об их отношении к различного рода процессам, играющим системообразующую роль в формировании современного глобального мира. И здесь следует отметить: разнообразные наднациональные структуры россияне воспринимают весьма настороженно. На-

пример, по вопросу об отношении к МВФ и ВТО российское население расколото практически пополам (50–52% оценивают их в целом положительно, но у 46–47% эти организации вызывают отторжение). Слово «глобализация» нагружено в настоящее время прежде всего отрицательными ассоциациями (у 58% наших респондентов оно вызывает негативные и только у 40% – позитивные чувства); зато антиглобалисты вызывают симпатии почти у  $\frac{2}{3}$  наших сограждан.

Что же думают россияне по поводу перспективы интеграции России в Евросоюз? В 2002 г. количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало, по нашим данным, количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» в соотношении 42 к 30%. Сегодня же картина полностью изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50%, в то время как доля «еврооптимистов» упала среди россиян до 30%.

Означают ли приведенные данные, что наши сограждане в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы? Нет, не означает. Даже при том, что психология и культура российского общества, а также конкретная внешнеполитическая ситуация накладывают на этот процесс целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации, подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов. Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе достаточно важно. В конечном счете «европейский путь» может быть без особого внутреннего сопротивления (хотя и с определенными оговорками) принят всеми основными социально-демографическими группами и слоями населения. При том, конечно, условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований. А это зависит уже не только от России, но и от ее партнеров.

И в заключение – самый **общий вывод**: *с точки зрения анализа динамики оценационального самосознания пореформенная Россия не просто встает на ноги – она самоопределяется и самоутверждается. За последние 7–8 лет она приобрела собственную субъектность, причем не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.*

Нынешний период России наши сограждане оценивают как самый благополучный во всей ее новейшей истории, что затмевает даже спокойную и стабильную эпоху Л. Брежнева; а постепенное, эволюционное развитие реформ для подавляющего числа наших сограждан представляется преимущественным.

Все это свидетельствует о собирании в пореформенной России (в дополнение к финансово-экономическому) огромного социально-психологического ресурса для возможного осуществления модернизационного прорыва, в котором крайне нуждается российское общество. И если те, кто входит в систему государственного управления, не имеют права пропустить данный исторический шанс для всемерного использования сложившегося ресурса, для решения соответствующих практически-политических задач, то для социологов, как социальных аналитиков, мониторинговое и комплексное отслеживание эффективного использования ресурсосоставляющих модернизации пореформенной России – в свою очередь, дело профессиональной чести и гражданской ответственности.